

Иероним Иеронимович Ясинский

Осенние листы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я81

Я81 **Ясинский И.**
Осенние листы / Иероним Иеронимович Ясинский – М.: Книга по Требованию,
2025. – 377 с.

ISBN 978-5-521-39882-9

ISBN 978-5-521-39882-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ради этой пресловутой барышни... Недаромъ же вы ее такъ расхваливали.

Хозяинъ сталъ упрекать Аларина за то, что онъ рѣдко бываетъ.

— Ему нравится свое гнѣздо, сказала Иванова. — Онъ безъ Матусовки жить не можетъ. Честное слово, Дементій Васильевичъ, тихо сказала она: — я только для васъ пригласила Жабровскихъ. Но я не виновата, если ихъ не будетъ.

Но тутъ пріѣхали Жабровскіе съ своей воспитанницей Агатой.

II

Агату нельзя было назвать красавицей: тонкая, съ темными густыми волосами, со сверкающими глазками, она производила впечатлѣніе не русской тихой дѣвушки, а цыганки изъ хорошаго московскаго табора. Она была одѣта по послѣдней модѣ, не очень скромно, что еще больше выдѣляло странный блескъ ея оригинальной, почти некрасивой наружности.

Аларинъ встрѣчалъ ее уже нѣсколько разъ. Оба Жабровскіе, толщины необъятной, съ тройными подбородками и счастливыми польскими глазами, были усажены въ гостиной и, побол-

тавши о разныхъ мелочахъ, выразили желаніе играть въ винтъ. Партія мигомъ составилаь. Тогда молодая дѣвушка подошла къ Аларину и посмотрѣла на него.

Слегка съуженные глазки Агаты, въ которыхъ была разлита свѣтящаяся влага—такъ казалось Аларину—смутили его своимъ беспокойнымъ, насмѣшливымъ и какимъ-то влекущимъ выраженіемъ. Онъ сказалъ, чтобы только не молчать:

— Какъ вы поздно!

— Что же спѣшить? Я и то не знаю, зачѣмъ я пріѣхала?.. Здѣсь не танцуютъ.

Онъ оправился отъ смущенія и теперь пристально разсматривалъ дѣвушку тѣмъ взглядомъ, которымъ смотрять на молодежь пожилые люди. Но Агата точно хотѣла наказать его за это. Она опять подняла на него глаза и заставила его опустить свой взглядъ.

— Надолго вы пріѣхали въ городъ?

— Казиміръ Клементьевичъ уѣзжаетъ съ Марьей Болеславовной завтра. Ну, а я проживу нѣсколько дней.

— Однѣ?

— Одна, Впрочемъ, съ m-lle Müller.

— Я тоже пробуду нѣсколько дней.

— Помнится, вамъ была ненавистна городская пыль. Но какъ здѣсь душно!..

Аларинъ повелъ дѣвушку въ садъ. Дверь изъ гостиной выходила на балконъ, который широкими ступеньками спускался въ цвѣтникъ и весь заросъ по колоннамъ и даже по карнизамъ темнымъ плющомъ. Деревья возвышались и направо, и налѣво, и прямо, безпорядочными группами, облитыя серебрянымъ свѣтомъ полной луны.

— У вашихъ родственниковъ, Аларинъ, чрезвычайно почтенный видъ. Вмѣстѣ съ вами имъ, вѣроятно, двѣсти лѣтъ.

— Да, пожалуй, больше ста пятидесяти...

Они шли по ровной аллеѣ. Деревья пропускали сквозь густую листву блѣдныя лучи мѣсяца, и свѣтъ падалъ на Агату. Аларинъ видѣлъ, повременамъ, какъ смотрятъ насмѣшливо и томно ея цыганскіе глазки. Ему нравилось, что она идетъ возлѣ него, онъ слышитъ шорохъ ея платья, и до него долетаетъ запахъ ея душистыхъ волосъ.

— Такъ вы будете искать со мною встрѣчь эти дни? А?

Онъ взялъ ее подъ руку, она стала смѣяться.

— Я буду искать съ вами встрѣчь, повторилъ онъ.

— Напримѣръ?

— Какъ случится. Я могу прійти къ вамъ. Вы позволите?

— Вы не умѣете ходить съ дамой. Нельзя такъ жать руку!

Но сама Агата опиралась на его руку почти всей тяжестью своего легкаго теплаго тѣла. Аллея была не велика и въ концѣ сада впадала въ другую, которая тянулась вдоль забора. Они пошли по той темной аллеѣ.

III

Агата болтала и говорила, не переставая, битыхъ полчаса. Рѣчь ея перескакивала съ одного предмета на другой — отъ московскаго пансіона и продѣлокъ школьницъ она переходила къ своему теперешнему деревенскому житію-бытію и къ шуткамъ надъ наивной m-lle Müller. Казалось, что Агатѣ четырнадцать лѣтъ.

— M-lle Müller больна, несчастная: у нея по временамъ бываютъ приступы сантиментальныхъ слезъ. Вы знаете, что она дѣлаетъ сейчасъ?

Аларинъ узналъ, что m-lle Müller очень влюбчива... Вступивъ на этотъ путь, разговоръ сталъ скользить, скользить, и Аларинъ

почувствовалъ странное удовольствіе, когда бесѣда исключительно сосредоточилась на любви. Агата смѣялась надъ клятвами въ вѣчной любви, утверждала, что сама никогда не полюбитъ, и предложила Аларину нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчать прямо онъ не могъ и, улыбаясь, подумалъ, что эта развязная и бойкая дѣвушка еще до смѣшного невинна.

— Вотъ вы какое дитя! сказалъ онъ. — Не давайте обѣтовъ, которыхъ нельзя выполнить.

— Вы, кажется, взволнованы!

— Я спокоенъ.

— Говорите, что я дитя! Ахъ вы, дѣдушка! Я ни въ кого не влюблюсь, но мнѣ можетъ понравиться... кто-нибудь...

Они вышли на площадку, гдѣ сильно пахло резедой. Вдали на балконѣ, до половины скрытомъ въ темной зелени кустовъ, горѣли пестрые фонарики. Агата остановилась и прямо стала смотрѣть въ лицо Аларину. Глаза ея блестѣли, смѣхъ дрожалъ въ углахъ очаровательнаго рта. Она такъ близко прижалась грудью къ Аларину, что онъ слышалъ, какъ бьется ея сердце. Но потомъ Агата выдернула свою руку, пошла впередъ и, наклоняясь, рвала цвѣты.

Иванова спросила у возвратившагося Аларина:

- Отчего такое веселое лицо?
- Садъ у васъ чудесный.
- Помилуйте, какой онъ чудесный!.. Я, знаете, начала уже немножко побаиваться за васъ, заговорила она шепотомъ.
- Гдѣ Агата?
- А вотъ сидить.

Дѣвушка сидѣла за стуломъ Жабровскаго и смотрѣла въ его карты съ усиленнымъ любопытствомъ: можно было подумать, что она уже забыла прогулку въ саду.

— Послушайте, Дементій Васильевичъ, шепотомъ продолжала Иванова:— вы не на шутку... Что-жъ, она съ приданымъ. Она здѣсь лучшая невѣста, а вамъ пора, пора!

IV

Ивановы оставили Дементія Васильевича ночевать. Ему была отведена боковая комната, выходившая итальянскимъ окномъ въ садъ. Было уже за полночь, и короткая лѣтняя ночь какъ будто дрогнула, востокъ начиналъ блѣднѣть. Надъ дремлющимъ садомъ мигали звѣзды. Дементій Васильевичъ всталъ раздѣтый— сонъ бѣжалъ отъ него. Ему казалось, что тутъ во мракѣ, стоитъ какой-то призракъ,

плѣнительный, безпокойный, капризный, и горячо дышетъ... Деревья застыли въ блаженной лѣни; объятые сномъ, дремали цвѣты. Закатилась луна. Отъ розовыхъ кустовъ поднимались благоуханія. Дементій Васильевичъ былъ раздраженъ на свою одинокую жизнь, и въ его умѣ вставали образы былого.

Десять лѣтъ ухлопалъ онъ на свой, никому ненужный, трудъ собиранія народныхъ примѣтъ и суевѣрій. Потомъ страсть къ суевѣріямъ прошла. Ему захотѣлось написать романъ или драму изъ далекой эпохи — изъ временъ введенія въ Россію христіанства. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, читалъ въ публичной библіотекѣ источники, переписывалъ рукописи, покупалъ на толкучкѣ вороха грязныхъ бумагъ, и кончилъ тѣмъ, что сочинилъ двѣ главы романа, которыя ему самому показались нелѣпыми. Онъ пробовалъ писать стихи, но рѣшмы его стѣсняли, а въ бѣлыхъ стихахъ его не было поэзіи. Такъ какъ онъ владѣлъ юридическимъ образованіемъ, то ему вздумалось быть присяжнымъ повѣреннымъ. «Нельзя жить такъ, — я обязанъ работать для блага всѣхъ». Онъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ громить зло и защищать все чистое, высокое и святое. Но, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣрен-

наго, ему пришлось отстаивать разныхъ мелкихъ воришекъ и вести дрянныя невидныя дѣла. Когда же онъ сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ, имя его прогремѣло въ газетахъ, благодаря странной рѣчи его, сказанной не въ защиту, а противъ своего кліента, обвинявшагося въ жестокомъ обращеніи съ женою. Совѣтъ присяжныхъ сдѣлалъ замѣчаніе Аларину; онъ бросилъ адвокатуру. Вскорѣ онъ познакомился съ одной дѣвушкой... Всю свою недолгую жизнь она отдала такому дѣлу, которое считала святымъ. Аларинъ не раздѣлялъ ея взглядовъ, но долженъ былъ прійти къ заключенію, что если бы всѣ были такъ безгрѣшны, какъ она, то, конечно, *они* были бы правы. Былъ моментъ, — забудетъ ли онъ его когда нибудь? — когда Аларину ничего больше не оставалось, какъ броситься въ вихрь новой жизни со всѣми ея превратностями.

Аларинъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ внизъ, на дремлющіе цвѣты. Оттуда словно повѣяло зноемъ. Блѣдный образъ строгой красоты, съ чистымъ сердцемъ, былъ вдругъ заслоненъ другимъ раздражающимъ образомъ съ глазами, полными соблазнительнаго блеска.

Онъ замеръ отъ ужаса и счастья.

Тѣ рѣшенія, которыя приходятъ мечтателямъ

только ночью, волновали Дементія Васильевича. Онъ поѣдетъ къ Жабровскимъ, объяснится, сдѣлаетъ Агатѣ предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, она выйдетъ за него и, кажется, она къ нему не равнодушна. Нѣтъ, онъ еще вовсе не такъ старъ! Хоть годъ счастья, хоть полгода. Былое не сулило блаженства, вся жизнь прошла въ разочарованіяхъ... Долго сидѣлъ такъ у окна Дементій Васильевичъ. Онъ очнулся отъ угара лишь на зарѣ. Кровавый кругъ солнца уже пылалъ, какъ зарево, за стволами деревьевъ. На площадкѣ, гдѣ вчера Агата смотрѣла въ глаза Аларину и смѣялась своимъ загадочнымъ смѣхомъ, синѣли струйки пара и быстро таяли въ розовыхъ лучахъ. Запѣли птицы. Садъ зашумѣлъ, затрепеталъ, стряхнувъ сонъ съ своихъ вѣтокъ.

V

— Такъ вамъ Агата продолжаетъ нравиться? спросила Дементія Васильевича г-жа Иванова за позднимъ чаемъ, который пили на балконѣ, въ тѣни парусинныхъ жалюзи и занавѣсокъ.

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ съ улыбкой Аларинъ:—она милочка, у нея съ огнемъ

глаза, стройная, гибкая, но... Признаться, я избегаю такихъ дѣвицъ.

— У васъ усталое лицо—вы дурно спали?

Аларинъ промолчалъ.

— Слышите?

— Спалъ отлично. Агату напрасно считают красавицей...

— Никто ее не считаетъ! Но вы говорили...

— Замѣтили, какъ у нея широкъ носъ?

— Терпѣть не могу! вскричала со смѣхомъ старуха;—надоѣдалъ мнѣ Агатой, скучалъ, пріѣхалъ для нея за двадцать верстъ, а теперь носъ широкъ!

— Да, зеленъ виноградъ, прошамкалъ Ивановъ и задумчиво глянулъ въ пространство, быть можетъ, вспоминая то блаженное время, когда и онъ былъ «молодъ», и въ сорокъ пять лѣтъ заглядывался на зеленый виноградъ.

— По мнѣ, она испорченная дѣвчонка, продолжалъ Дементій Васильевичъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Иванова.—Въ двадцать лѣтъ дѣвушка должна быть типе воды, ниже травы, благоухать невинностью, а отъ нея пахнетъ пряными духами и въ каждомъ зрачкѣ сидитъ по дьяволу.

— Дементій Васильевичъ, что съ вами? Вы сердитесь?